

Алексей Сухоруков

Хороший год

Барометр рухнул, когда у дедушки пропало терпение.

Дедушка сидел за швейной машинкой, перевернутой и открытой, и чинил ей железные внутренности. Было жарко, лицо было мокрое, капли сползали по носу и падали в механизм. Старые железки не хотели работать.

– Какая зараза? – спрашивал дедушка, трогая пальцем черные шестеренки.

– Вот холера, – сказал он через час и вытер руки тряпкой. Потом собрал машинку и качнул ногой тяжелую педаль. Мягко застучало, цветной лоскуток затянуло под лапку и прошло безобразными петлями.

– Зараза, – сказал дедушка. – Антисемитка. Сколько крови выпила... Я тебя цыганам продам...

Дедушка накрыл машинку газетой и посмотрел в окно. Солнце стояло прямо над двором. Пересохшее белье свисало с веревок, поднятых на длинные палки. Тени от белья не было. Пыльная трава сохла между каменными плитами. Над плитами, карнизами и крышами домов дрожал горячий воздух.

– Нечем дышать, – сказал дедушка. – Дает Бог погоду. И «Зингер» машину... Как сговорились все...

Глаза слезились от света. Белым огнем сияло стекло и крашеный подоконник. Под старой кривой акацией в миске сверкала вода для котов. На побеленной коре прыгали блики.

– Нюмка! – крикнул дедушка. – Иди посмотри погоду!

Никто не ответил. Маленький Нюма стоял на крыше сарая и жевал хлебную корку. Он хотел поймать воробья на закидушку

и ничего не слышал. Железная крыша обжигала, Ньюма прыгал по ней и разматывал бесконечную леску.

Дедушка пошел смотреть сам.

В белой комнате с железной кроватью и комодом из стены торчал гвоздь. На гвозде висел барометр, похожий на бронзовую кастрюлю со стеклом. Тонкая стрелка вошла в «Великую сушь» и там застряла.

– Это радует... – сказал дедушка. – Хуже не будет, ибо некуда.

Дедушка вздохнул и постучал по стеклу. И барометр упал.

Кривой гвоздь свернулся, посыпалась известка, бронзовая кастрюля ударилась об пол и покатилась под кровать.

– Что вы роняете? – спросила бабушка с галереи. – Ньюма?.. Что вы бьете там?

– Сейчас начнется, – сказал дедушка и поднял выпавшее стекло. Барометр лежал на полу и показывал бурю.

– Они разнесут дом... – бабушка прошла скрипящей галереей и заглянула в окно.

– Я смотрел барометр, – сказал дедушка.

– И он взорвался? – спросила бабушка. – Убери здесь всё... Что он успел показать?

– Что-то такое за погоду.

– Хохмач... – сказала бабушка. – Иди накачай примус. Или будете без обеда.

И дедушка пошел на галерею.

Под лестницей в полосатой тени лежали коты. На табуретке шипел примус, на оранжевом огне булькал черный казан. Бабушка помешала в нем деревянной палкой.

– Упал барометр, – сказала она.

– Наконец-то... – сказала толстая Лиза.

Лиза сидела на стуле в палисаднике в дырявой тени и чистила мелкую рыбу. Она брала из миски черных слипшихся бычков и бросала их в глубокую тарелку. На мокрой газете лежали перламутровые и розовые кишечки.

– Я умру от этой жары, – сказала Лиза. – Я до стула прилипла... Стыдно сказать, чем я прилипла.

Дедушка поднялся от примуса и сказал:

– Что вы мучаетесь с этими бычками? Они же – как семечки.

– Так они кушаются, как семечки, – сказала Лиза. – Я вам отсыплю сейчас.

Бабушка достала палку из казана.

– Иди зови Ньюму, – сказала она дедушке. – И сделай мне барометр...

Рыжая белая Зоя сказала из своего окна:

– Падает на дождь. У меня голова болит.

Бабушка промолчала, а грубая Лиза сказала:

– Не с погоды. Это ваша Таня экзамены завалила... И с мальчиками сильно балуется.

Во двор зашла пыльная уставшая собака. Постояла у чугунной тумбы, понюхала, передумала и пошла пить воду из кошачьей миски.

– Не надо завидовать, Лиза, – сказала Зоя с подоконника. – Мальчиков надо пробовать, они очень разные. А экзамены нам продлили. Гоша договорился...

Лысый Гоша спал в палисаднике в шезлонге, уронив на колени газету. Шезлонг был старый и полосатый с инвентарным номером пляжа Аркадия.

– Таня бросила мальчика со скрипкой, – сказала Лиза. – И гуляет с Севой, который жлоб.

Черный бычок упал мимо тарелки.

– Сева моряк, – сказала Зоя. – Морякам можно всё без очереди.

– Сева трепло, – сказала бабушка. – Он такой моряк, как я. Только я красивее.

Рыжая Зоя подумала и сказала:

– Вы не видели, какие он носит клёши. Он таки моряк. У него потрясающие клеши.

Бабушка вздохнула, потрогала горячий бок казана и сказала:

– Он принимает бутылки на складе за Новым рынком. А брюки берет у брата... Он вам голову морочит этими клешами.

– Таня, ты слышишь? – сказала Зоя в комнату и пропала из окна.

Бабушка налила воды в миску и помыла теплые помидоры. Потом прилетела оса и стала летать над тарелкой. И бабушка смахнула ее полотенцем. Солнце висело над галереей, пахло старой горячей краской, деревом, керосином и мамалыгой.

Потом пришел дедушка и сказал:

– Рахиль, где твой внук Нюмка? Я устал его искать.

– Сидит где-то, – сказала бабушка. – Ты должен знать. Ты тоже был мальчик.

Дедушка заскрипел лестницей, спустился с галереи и пошел к сараям.

– Нюме нужна мама, – сказала Лиза. – И отец с ремнем... Простите, Рахиль... Сколько им еще сидеть?

– Ей – два. И отцу четыре... Ничего, Лиза... Вы бросаете кишки в чищенное.

Дедушка вышел на солнце.

Зарёванный Нюмка шел по двору. За ним тянулась спутанная леска и прыгала по камням дощечка закидушки. Свинцовое грузило моталось и било по худой коленке. В Нюмкином пальце сидел черный зазубренный крючок.

– Нюмка... – сказал дедушка. – Готэле... Мальчик мой...

Круглое облако появилось и поплыло в сияющем небе. Но наверх никто не смотрел.

В белой комнате на кровати сидел Нюмка с пальцем. На пальце и на содранном локте сохла зеленка. Смятое покрывало пачкали зеленые пятна.

– Чья закидушка? – спросил дедушка. – У ней крючки ржавые.

– У Жорки сменял, – сказал Нюмка. – На патрон от нагана.

Дедушка подумал и сказал:

– Ты опять в катакомбы лазил. Я тебе ухо оторву, когда заживет все... Сменяй патрон обратно.

– Нет, – сказал Нюмка. – Это нельзя. Так не делают.

Дедушка подумал еще и спросил:

– А за гроши?

– Нет... – сказал Нюмка. – Он богатый. Его папка сифоны заправляет.

Нюмка болтал ногами.

– Я так заберу, – сказал он. – За ржавые крючки... И в нос дам.

Дедушка закрыл пузырек с зеленкой и поставил его в комод.

– Нет... – сказал он. – Ты возьмешь мой самодур и снесешь этому Жорке. Если он упрется – дашь ему в нос. Самодур оставишь

там, а патрон отдашь мне. Всё, что с катакомб, отдашь мне... Хватит с нас одного барометра...

– Можно, я пойду? – спросил Нюмка, которому захотелось плакать.

– Иди, шкет, – сказал дедушка. – Иди, покажись бабушке.

Нюмка вылез в окно и спрыгнул на галерею. Дедушка сказал:

– Сейчас начнется.

И бабушка сказала:

– Господи Боже!

Гоша шевельнул ногой, и газета упала на траву. Гоша устал спать. Его майка намочла, и по лбу ходила муха. Вставать тоже не хотелось. Потом что-то стукнуло по газете и подлокотнику, и тяжелая капля разбилась на его руке.

Гоша открыл глаза.

Наверху стоял Нюмка и ел помидор. Бабушка мазала Нюму зеленкой по второму разу.

– Вы проснулись... – сказала бабушка. – Поднимайтесь. Вам Зоя обед делает...

Гоша вылез из шезлонга и поднял газету. И большая капля упала ему на спину. Гоша задрал голову. В голубое небо под свист ласточек входил край фиолетовой тучи. Толстая Лиза, опустив нож, тоже смотрела на небо.

– Рахиль, – сказала она. – Вы не поверите. Будет дождь.

Нюмка запрыгал и уронил помидор. Бабушка шлепнула его полотенцем.

Гоша сложил шезлонг и понес под галерею. На каменных плитах уже расплывались и быстро сохли мокрые пятна.

– Идите все в дом, – сказала бабушка. – Лиза, вы намокнете.

Остро запахло прибитой пылью. Мокрые пятна рябили, сливались вместе, и плиты быстро темнели.

– Сейчас польет, – сказал Гоша из-под лестницы.

– Лиза, – спросила бабушка, – вы таки прилипли, чем обещали?

Лиза засмеялась.

– Мои ноги, – сказала она. – Пока я дойду... Я буду сидеть. Буду мокнуть с удобствами.

– Нюма, – сказал дедушка. – Неси зонтик со шкафа. Бегом неси...

По крыше галереи застучало. В небе грохнуло. От темных плит на траву полетели мелкие брызги.

– Пропала стирка, – сказала бабушка.

Дождь наливал лужи, в которых прыгали пузыри и скользили босые ноги. Дедушка и Гоша срывали белье с упавших веревок. Нюмка бегал за ними с корзиной.

– Гоша, вы пропустили! – крикнула толстая Лиза. – Пропустили мой лифчик. И низ тоже оставили... Или вы стесняетесь?

– Гоша, надо смелее! – крикнула бабушка с галереи. – Хватайте, как дерзкий мужчина. Вы должны это уметь... Зоя, скажите ему!

– Не позорь меня! – крикнула Зоя. – Возьми это руками! Прямо сейчас!

В темном небе грохнуло. Ливень ударил по земле, вода скрыла двор, и мелкие брызги полетели в галерею. Крыша загудела.

– Хляби небесные, – сказала Лиза из-под пляжного зонта.

Вода залила тарелку и вымыла рыбу на землю. Потрошенные бычки уплывали, застревая в траве.

– Фима, оденься в сухое, – сказала бабушка, разбирая корзину. – Забери наше на кухню... Фемиди и Корецкие разберут свое, когда придут.

Зоя терла полотенцем мокрого Гошу.

– Принеси нам вино, – сказал дедушка. – И давай обедать, Рахиль.

Дождь шумел, обмывая уставшую зелень. В решетку под колонкой лилась грязная вода. Сорванные листья крутились и уносились в бездну.

Дедушка кушал желтую мамалыгу. Помидоры и брынза лежали на доске, и крупная соль рассыпалась в блюде.

– Сейчас кончится, – сказала толстая Лиза. – Все бычки пропали... Нюмочка, поищи мой тапок, он уплыл...

Небо светлело, туча стала серой и порвалась. Чистое и синее заблестело в разрывах и дырах. Потом вышло солнце и смешалось с водой. Светлые капли слетали с неба и падали в траву. От каменных плит стал подниматься пар.

Дедушка выпил вино и отставил синий стаканчик. Розовые капли сбежали и растеклись по донышку. И дедушка сказал:

– Вэ-ойо им шомойа тишмэу...

Дедушка смотрел во двор, где Нюмка скакал по лужам. Чистая вода стекала с крыш, собиралась в ручьи и уходила в землю.

– ... дам я дожди земле вашей в срок: дождь после сева и дождь перед жатвой...

Дедушка закрыл глаза.

– ...И соберешь ты свой хлеб и вино свое, и масло своих олив...

– Что ты делаешь, Фима? – тихо спросила бабушка.

Дедушка ушел с галереи. В комнатах было тихо и чисто. Под газетой стояла швейная машинка. Дедушка сел, поднял газету и сказал:

– Ну что, холера... Ты помнишь – мы говорили про цыганов?

Бабушка вымыла миску и накрыла оставшиеся помидоры. Потом вытерла стол и стала развязывать фартук. С крыши галереи слетали сияющие капли. Бабушка повесила фартук и посмотрела вверх через старые доски.

– Дай ему счастья, – сказала она. – Бог мой... Ты сделал с нами все что хотел. Теперь дай ему счастья. Пожалуйста, Господи...

Нюмка стоял в луже. Солнце дрожало в ней, плескалось и мыло худые и грязные ноги.

